

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ ИЗ ПРИБАЛТИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1941–1945 ГГ.

Сарнова Виктория Владимировна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИНХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56

ORCID: 0000-0003-2275-6768

Kaf-fil-lab@nsuem.ru

Аннотация

Статья посвящена депортации и пребыванию в Западной Сибири ссыльнопоселенцев из Прибалтийских республик. Высылка производилась летом 1941 г., что сделало ссыльнопоселенцев вторым, после польского, крупным этническим спецконтингентом периода Второй мировой войны. Депортационная операция позиционировалась советским руководством как «очистка» вновь присоединенных территорий от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента, т. е. как проводившаяся по социальному, а не по этническому принципу. Возможно, этот «двойственный» подход предопределил особенность операции и ее отличие от предыдущей. В частности, ввиду «повышенной социальной опасности» контингента для него вплоть до 1952 г. предусматривался наиболее жесткий ссыльнопоселенческий режим. Анализируются основные документы, регламентировавшие процесс принудительного переселения, статус, режим, снабжение, трудоустройство ссыльнопоселенцев и другие аспекты их пребывания в Сибири. Сделан вывод о том, что депортации из Прибалтики и Молдавской ССР не планировались заранее. Решение об их проведении возникло в некоторой степени спонтанно, после докладной записки наркома госбезопасности Литовской ССР П.А. Гладкова (напомним, что постановление о высылке из республик Прибалтики и Молдавии до сих пор не найдено и, весьма вероятно, не существовало вовсе). Поэтому регулирование положения данной категории ссыльных не было достаточно отработано. В связи с этим органы на местах в Сибири не всегда понимали, что именно им следует делать, и часто попросту снимали с себя всякую ответственность по вопросам, связанным с положением ссыльнопоселенцев на спецпоселении.

Отдельной частью статьи является анализ весьма оригинального источника – прекращенных архивно-следственных дел (АСД), заводившихся на спецпереселенцев в случае их уголовного преследования. В качестве

примера подробно рассматривается дело № 19707, где описывается частный случай из жизни ссылнопоселенцев Алтайского края, организовавших «нелегальный» литературный кружок и издававших рукописный журнал «Тоска о Родине».

Ключевые слова: депортация, ссылнопоселение, архивно-следственное дело, комендатура, спецконтингент, «социально-чуждый и антисоветский элемент», Положение, Постановление, директива, докладная записка.

Библиографическое описание для цитирования:

Сарнова В.В. Ссылнопоселенцы из Прибалтики в Западной Сибири в 1941–1945 гг. // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 2. – С. 390–411. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-390-411.

Я солнца хочу, воздуха хочу, хочу свободы!
Я хочу поскорей вырваться отсюда.
Я начну кричать: Эй, слушайте!
Но не перекричу я динамита,
Если бы и перекричал, что с этого...

А. Мукутавичус

Принудительные переселения 1941 г. из Прибалтики не были уникальным или полностью самостоятельным явлением. Они представляли собой элемент советской депортационной политики данного периода. П. Полян справедливо определяет их как «выборочные депортации с аннексированных территорий Польши, Прибалтики и Румынии в 1939–1941 гг.» [24, с. 95]. Таким образом, целый ряд операций объединяется в единую группу, для которой характерны сходные причины, ход, регионы расселения и т. д. Ссылнопоселенцы из республик Прибалтики стали вторым после польского крупным этническим контингентом, принудительно переселенным в период Второй мировой войны в Западную Сибирь. Следует отметить, что депортационная операция позиционировалась советским руководством как «очистка» вновь присоединенных территорий от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента, т. е. как проводившаяся по социальному, а не по этническому принципу.

14 июня 1941 г. А.П. Берия утвердил «План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР» [7, с. 37–40]. Несколько раньше, 16 мая 1941 г., ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» [1, с. 189].

Несмотря на то что в названии Постановления указывалась лишь Литовская ССР, оно касалось всех трех Прибалтийских республик. Во всех трех республиках «социально-чуждого» и «антисоветского» элемента ока-

залось 39 395 чел. По «Плану мероприятий» из Прибалтики должно было быть выслано 39 403 чел. Наибольшую долю из них (49 %) составляли «члены семей», 38 % – «главы семей» и «репатрианты», 13 % – уголовники. В реальности расстановка категорий сильно изменилась: 64...66 % составили «члены семей», 29...31 % – «главы семей», 5 % – уголовники. Таким образом, число «членов семей» увеличилось в полтора раза, почти так же уменьшилось количество «глав семей», а число уголовников, высылаемых именно в лесные исправительно-трудовые колонии (ИТК) наркомата внутренних дел (НКВД) СССР, сократилось более чем в два раза [7, с. 37–40]. Фактически 14–16 июня 1941 г. из республик Прибалтики было депортировано не менее 43 тыс. чел., из которых 28 тыс. составляли «члены семей», 12,5 тыс. – «главы семей», 2,5 тыс. чел. – осуждённые «не по политическим статьям» [26, с. 140].

Операция по выселению «антисоветского и социально-чуждого элемента» из Прибалтийских республик началась 13 июня 1941 г. Утром 13 июня были разосланы телефонограммы парторгам, комсоргам, председателям волисполкомов и другим должностным партийным работникам с указанием явиться вечером того же дня в означенное место. Собравшиеся были разделены на «четверки» для непосредственного проведения арестов. Каждой «четверкой» руководил работник госбезопасности, кроме него и штатских в группу входил и кто-нибудь из военных. Для организации акции на местах были созданы традиционные «тройки». На республиканском уровне операцией также руководили «тройки», в которые входили наркомы госбезопасности республик, наркомы внутренних дел республик, первые секретари республиканских компартий [19, с. 63]. Одновременно во все населенные пункты, где должна была проводиться операция, начали стягивать автотранспорт, гужевые подводы, вагоны.

Аресты начались рано утром 14 июня. Депортируемым сообщали, что органами НКВД они переселяются в отдаленные районы СССР. Причем были случаи, когда ордер был только на арест главы семьи, а уже во время ареста в него вписывались родственники; нередко ордеров не было вообще. В «Инструкции начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики» оговаривалось, что ссыльнопоселенцам разрешалось взять с собой не более 100 кг вещей [25, с. 153].

Все высылаемые были поделены на две группы – «А» и «В». В группу «А» включались все «главы семей», в группу «В» – «члены семей». Группа «А» обыскивалась работниками наркомата государственной безопасности (НКГБ) после посадки в вагоны, группа «В» принималась начальниками эшелонов без обыска, по именному списку. Это правило действовало и на станциях первичной погрузки, и на станциях концентрации заключенных. Каждый эшелон сопровождал конвой; для группы «А» – в составе 65 чел.,

для группы «В» – 29 чел. Кроме того, в каждом эшелоне был санитарный вагон, в котором работали один врач и один фельдшер [Там же, с. 152].

В «Плане мероприятий» оговаривалось, что учет, режим, питание, оперативное обслуживание «глав семей» возлагалось на Управление НКВД (УНКВД) по делам военнопленных, особые отделы лагерей и Управления НКГБ (УНКГБ) по территориальности. «Члены семей», или «ссыльнопоселенцы», передавались под надзор Отдела трудовых и специальных поселений (ОТСП) НКВД СССР, НКВД и УНКВД по территориальности и первые спецотделы НКВД и УНКВД [7, с. 39].

Расселение ссыльнопоселенцев производилось в основном в трудпоселки, которые обслуживались районными и поселковыми комендатурами. Незначительная их часть была расселена в населенных пунктах среди *правового* населения (т. е. местных жителей, не являвшихся спецпереселенцами), в том числе в районных центрах и городах, расположенных в 10-километровой зоне от железных дорог [6, с. 15].

Одним из важнейших регионов расселения данного контингента стал Алтайский край. На 15 сентября 1941 г., по данным начальника УНКВД по Алтайскому краю майора государственной безопасности Волошенко, в крае находилось 17 446 ссыльнопоселенцев: 9984 из Белоруссии, 7462 из Литвы. В этот период они расселялись по 46 районам и городам края. Наибольшее количество ссыльнопоселенцев было вселено в Барнаул (4434 чел.), остальные расселены в Троицкий (3841 чел.), Барнаульский (743 чел.), Каменский (1016 чел.), Рубцовский (695 чел.) и Старо-Бардинский районы (994 чел.) и в Ойротскую АО (1423 чел.). В остальных районах края было вселено приблизительно по 100–150 чел. на район [7, с. 210]. По национальному признаку они были представлены поляками, белорусами и литовцами. На учете в ОТСП УНКВД по Алтайскому краю к концу 1942 г. находилось 1394 семьи ссыльнопоселенцев (3800 чел.) только из трех Прибалтийских республик. Из них трудоспособных 1486 чел.; инвалидов, живущих на иждивении, 334; детей до 16 лет – 2080 чел. Ссыльнопоселенцы были расселены в 33 районах края и Ойротской АО. Структура занятости этой группы: совхозы, машинно-тракторные станции (МТС), «Заготзерно» – 500 чел., лесхозы – 986 чел. [4, с. 85].

Можно говорить о некоторой специфичности депортационной операции весны–лета 1941 г. по сравнению с предыдущими массовыми высылками с бывших польских территорий. Она была спланирована как значительно более сложная, чем предшествующие, хотя и уступала по числу депортированных самой первой из них – выселению семей польских «осадников» и «лесников» в феврале 1940 г. Данная операция началась не одновременно в разных регионах. Основное же ее отличие состояло в дифференциации правового статуса различных категорий высылаемых,

подвергавшихся различным видам репрессий [15, с. 138, 139]. Если «главы семей» направлялись в лагеря военнопленных НКВД СССР (Козельщанский, Путивальский, Старобельский и Юхновский), то «члены семей» – на поселение сроком 20 лет в Казахскую ССР, Коми АССР, Алтайский и Красноярский края, Кировскую, Омскую и Новосибирскую области в качестве ссыльнопоселенцев, а уголовники – непосредственно в лесные исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) системы Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) с последующим оформлением дел через особое совещание при НКВД СССР [7, с. 38]. Общим же для всех категорий высылаемых являлось то, что к моменту высылки никто из них не был формально осужден, хотя юридически ссылка на поселение требовала судебного оформления.

Депортированные в июне 1941 г. из Прибалтики высылались на 20 лет как ссыльнопоселенцы, с поражением в гражданских правах (ссыльнопоселенцы не имели паспортов). В адресованной зам. наркома НКВД, комиссару госбезопасности 2-го ранга В.В. Чернышову докладной записке от 5 сентября 1941 г. о расселении и трудовом устройстве ссыльнопоселенцев в Новосибирской области начальник управления НКВД по Новосибирской области М.Ф. Ковшук-Бекман писал, что «в целях усиления режима по месту трудового устройства ссыльных и полноценного охвата их оперативным обслуживанием в связи с военным временем...» целесообразно было распространить на ссыльнопоселенцев режим, установленный положением о спецпоселках и трудовом устройстве «осадников», утвержденный Постановлением СНК СССР от 29 декабря 1939 г., а также передать ссыльнопоселенцев в административное обслуживание комендатур по трудпоселению, в связи с чем реорганизовать районные и поселковые комендатуры в смешанные, именуя их в дальнейшем «комендатурами по труд и ссыльнопоселению» [7, с. 232–237].

В справке старшего инспектора ОТСП ГУЛАГ Д. Гринберга о ссыльнопоселенцах от 26 января 1942 г. говорилось, что персональный учет ссыльнопоселенцев в местах их расселения был поручен 1-му спецотделу и должен был производиться «в соответствии с инструкцией, объявленной в приказе НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г.». Проведение «переучета» этого «контингента» Приказом народного комиссара № 002559 от 20 сентября 1942 г. возлагалось на ОТСП. Как уже отмечалось, паспорта ссыльнопоселенцам не выдавались. Те же, что имелись у них на руках, подлежали изъятию и уничтожению органами НКВД и «заменились соответствующими удостоверениями для этой категории лиц (ссыльных)». Ссыльнопоселенцы были обязаны в установленное время являться на регистрацию в органы НКВД. Самовольный выезд с места поселения рассматривался как побег из ссылки со всеми правовыми последствиями. За совершенные

ссылнопоселенцами уголовные преступления они должны были привлекаться к ответственности «в общем порядке». Ссылнопоселенцы имели право работать в государственных, кооперативных и других предприятиях и учреждениях, быть членами сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и рыболовецких артелей, причем на них распространялось общее трудовое законодательство. Органы НКВД должны были помогать в подыскании работы ссылнопоселенцам, которые самостоятельно не могли устроиться на работу. Ссылнопоселенцы могли вступать в брак как между собой, так и с другими гражданами, а также получать государственное пособие по инвалидности по смете НКВД СССР [7, с. 1, 1 об.].

На положение спецпереселенцев, дающее формальное сохранение статуса полноправных граждан СССР, но без права покидать место поселения, они были переведены лишь в 1952 г. Основными документами, регламентировавшими положение ссылнопоселенцев, являлись директивные указания и циркулярные инструкции НКВД СССР и ОТСП, в отличие, в частности, от депортаций поляков, когда решение о содержании последних в ссылке принимались СНК СССР.

Специфика документов, определяющих пребывание на спецпоселении высланных из «вновь присоединенных территорий», состояла в том, что они, во-первых, зачастую касались не всех ссылнопоселенцев, а лишь высланных из западных областей Украины и Белоруссии, а во-вторых, в их предельной краткости. Это вызывало недопонимание и вопросы работников органов НКВД на местах. Так, в своей докладной записке «О выполнении директивы № 104 от 10 марта с/г года по переучету контингентов Отдела труд- и спецпоселений (№ 97768) по состоянию на 20 октября 1943 г.» начальник УНКВД по Красноярскому краю И.П. Семёнов писал: «...следует указать, что по ссылнопоселенцам вообще не имеется утвержденного положения и других установленных для этой категории правил содержания в ссылке, тем более в системе райкомендатур ОТСП, что не создает необходимых условий в обслуживании» [9, с. 287]. Естественно, что документы, устанавливавшие правила содержания в спецссылке, существовали. Ниже приводится их перечень (за исключением документов о направлении «спецконтингентов» в северные районы для использования их в рыбной промышленности): Приказы НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г. и № 001223 от 11 октября 1939 г. «О высылке антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии» [24, с. 253], указание наркома внутренних дел СССР А.П. Берии от 21 мая 1941 г. «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» [24, с. 99], директивное указание заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова № 1684/6 от 29 мая 1941 г. «О режиме для ссылнопоселенцев», план мероприятий по этапированию, расселению и

трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР от 14 июня 1941 г. [7, с. 40], директивные указания заместителя наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова № 30/6225/016 от 21 июня 1941 г. «О правах и обязанностях ссыльнопоселенцев» [5, с. 144], № 30/6769/016 от 3 июля 1941 г., запрещающее перемещения ссыльнопоселенцев за пределы района поселения [5, с. 145], и № 41/1585 от 13 сентября 1941 г.; Указание Главного Управления милиции НКВД СССР № 3241/907 от 10 октября 1941 г., Приказ НКВД СССР № 002559 от 20 ноября 1942 г. «Об усилении агентурно-оперативного обслуживания трудпоселенцев и спецпоселенцев» [5, с. 1], директивное указание начальника ГУЛАГ НКВД СССР В.Г. Наседкина № 42/11923 от 18 декабря 1942 г. о проведении переучета «контингента», циркуляр № 2 104 от 10 марта 1943 г., Постановление СНК СССР № 25 «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. и т. д. [14, с. 1].

Несмотря на кажущееся обилие документов, они относились либо к вопросам учета и проведения переучетов (приказ НКВД СССР № 0143, приказ НКВД СССР № 002559, директивное указание № 42/11923, циркуляр № 104), либо копировали друг друга, либо отменяли. Здесь не указан еще один документ – проект «Положения о порядке применения ссылки на поселение для некоторых категорий преступников» [7, с. 3–9], который, не будучи принят, хранится в фонде ОТСП/ОСП ГУЛАГ НКВД СССР. Однако примечательно, что официальные документы, определявшие права и обязанности ссыльнопоселенцев, во многом являлись прямой калькой с данного положения.

В «Плане мероприятий» о регламентации пребывания в ссылке не сказано ничего, кроме того, что ссыльнопоселенцев следовало направлять для работы на предприятия лесной промышленности, в совхозы и кустарно-промысловые артели, а их расселение возложить на НКВД–УНКВД по территориальности [7, с. 40]. Основным же документом, который определял права и обязанности ссыльнопоселенцев и их взаимоотношения с властью, являлось Указание № 30/6225/016 от 21 июня 1941 г. При этом оно, во-первых, являлось лишь дополнением к «ранее данным указаниям», а во-вторых, относилось к ссыльнопоселенцам, высланным из западных областей Украины и Белоруссии. Согласно этому указанию ссыльнопоселенцы имели право «передвигаться в пределах области поселения с ведома органов НКВД, в которых они состоят на учете. Работать как в государственных, так и в кооперативных предприятиях и учреждениях, быть членами артелей, причем место работы могло быть выбрано самим высланным или определялось “по указанию органов НКВД”» [7, с. 140], вступать в брак «как между собой, так и с другими гражданами» [Там же, с. 141], получать пособие в случае нетру-

доспособности. Если ссылнопоселенец не мог самостоятельно найти себе работу, то органы НКВД обязаны были оказать ему содействие в трудоустройстве. На ссыльных распространялось общее уголовное и трудовое законодательство.

Паспорта ставших ссылнопоселенцами лиц уничтожались, и их основным документом становилось удостоверение ссыльного, выдававшееся на 20 лет. Е. Ишутина описала в своем дневнике момент выдачи подобного удостоверения: «23.08. [1941 г.] приехал начальник Угрозыска... Собрание. Нам вручил удостоверения с печатями о том, что мы ссыльные, в течение 20 лет не можем оставить Парабельского района. Я приняла это за шутку и сострила: “Как для начала – это не много!” Мне ответили – вы совершенно правильно смотрите на вещи: сегодня один документ, завтра другой...» [18, с. 16].

Так как свободное передвижение поселенцев было запрещено указанием НКВД СССР № 1684/6 от 29 мая 1941 г., то п. 3, в котором говорилось об относительной свободе передвижения ссыльных, вступал в явное противоречие с вышеназванным документом. В связи с этим было разослано указание № 30/6769/016 от 3 июля 1941 г., содержание которого приводим полностью: «Впредь до особого распоряжения запрещается выезд ссыльно-поселенцев из района поселения. Самовольный выезд с места поселения рассматривать как побег. Пункт 3 указания НКВД СССР № 30/6225/016 от 21 июня 1941 года – отменяется» [5, с. 154]. В упоминавшемся ранее Положении напротив п. 13, подпункт «а», в котором речь шла о свободе передвижения ссыльных в пределах области поселения, имеется надпись от руки: «отменен» [Там же, с. 6].

В 1944 г. ОТСП НКВД СССР был реорганизован в Отдел спецпоселений (ОСП) в соответствии с Положением об отделе спецпоселений ГУЛАГ НКВД СССР № 0049 от 12 января 1944 г. В связи с этим был упразднен ряд наименований, таких как «трудпоселенцы», «ссылнопоселенцы», «трудпоселки» и «трудссылка». Теперь «трудпоселенцы (бывшие кулаки)» становились «спецпереселенцами (бывшими кулаками)», «ссылнопоселенцы» – «спецпереселенцами (ссыльными из Молдавской и Прибалтийских республик)» [12, с. 9]. Однако кроме названий ничего не изменилось. 17 августа 1944 г. был организован ОСП НКВД СССР. Основанием для создания самостоятельного отдела в составе НКВД послужило «значительное переселение за время Отечественной войны новых контингентов...» Функции отдела включали содействие трудовому и хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев, их «оперативное чекистское обслуживание», а также учет и административный надзор за ними в местах расселения. На 5 сентября 1944 г. на попечении отдела находилось 2 млн 225 тыс. спецпереселенцев из различных «контингентов» [17, с. 439].

В том же 1944 г. на места было отправлено разъяснение о том, кто из членов разрозненных в результате высылки семей подлежит розыску и соединению. Согласно этому документу органы НКВД должны были разыскивать и соединять ссыльнопоселенцев, состоявших в следующем родстве: «А) родителей и несовершеннолетних детей; Б) родителей и совершеннолетних детей, если родители до переселения находились на их иждивении или имели с ними общее хозяйство; В) мужей и жен; Г) нетрудоспособных и несовершеннолетних спецпереселенцев и их родственников, на иждивении которых они находились до переселения, или тех, которые могут их взять на свое иждивение в настоящее время» [12, с. 87]. Розыск мог быть инициирован по заявлению кого-либо из вышеперечисленных родственников. Вопрос о переселении решался органами НКВД исходя из «состояния хозяйственно-трудового устройства соединяемых, их желания и целесообразности» [Там же].

Следующий документ, устанавливавший условия жизни и положение «ссыльнопоселенцев», был принят лишь через год в январе 1945 г. Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» [16, с. 76, 77] немногим отличалось от более ранних документов по данному вопросу. Его принятие, на наш взгляд, обуславливалось лишь увеличением числа «спецпереселенцев» за счет новых «контингентов» и необходимостью в унифицированном оформлении их правового положения.

Если в первые годы пребывания в ссылке государство устанавливало и оговаривало именно режим пребывания на спецпоселении, то в последующем, в связи с увеличением числа различных «спецконтингентов», акцент был перенесен на регламентацию агентурно-оперативной работы спецорганов. К сожалению, почти все документы, связанные с этим кругом проблем, до сих пор секретны в связи с законом об оперативно-разыскной деятельности. Однако из косвенных источников известно о существовании циркуляра НКВД и НКГБ № 203/89, принятого в 1944 г., по которому соответствующие органы на местах должны были увеличить число агентов и осведомителей среди «спецпереселенцев» [13, с. 161].

Еще одной важной стороной взаимоотношений государственных органов и спецпереселенцев являлась уголовная ответственность последних за всевозможные нарушения и преступления. В регламентирующих документах оговаривалось, что ссыльнопоселенцы привлекаются к уголовной ответственности в общем порядке. В источниках о том, как именно проходили суды и были ли они вообще, не упоминается. Тем не менее в воспоминаниях самих спецпереселенцев упоминания об этом встречаются нередко. Чаще всего ссыльные осуждались за расхищение социалистической собственности, прогулы и другие мелкие правонарушения.

Д. Гринкевичюте в своих воспоминаниях пишет о суде над ней за кражу нескольких досок. «Суд происходил в соседнем бараке, – пишет она. – Стоял стол, покрытый красной материей. На скамье подсудимых нас сидело семеро. Пятеро за доски, двое за хлеб. За полчаса судья опросил шесть человек и обратился ко мне...

– Да, воровала.

– Может быть, вас послал кто-нибудь из взрослых?..

– Меня никто не посылал...

Никто не думал о величине наказания... Год или десять лет – всё равно. В лагерь погонят по снегу 50 км. Всем ясно, в том числе и судьям, что никто туда не дойдет. Каким бы не был приговор – это смерть. Приговор: за хлеб по три года. За доски – всем по году. Меня оправдать за признание» [20, с. 26].

О. Меркине судили за опоздание на работу. По ее свидетельству, дела «разбирались» очень быстро, так же как это происходило и в случае, описанном Д. Гринкевичюте. «За рыбешку голодным детям, за доску с легкостью давали год-два тюрьмы». Автора оправдали благодаря ходатайству одного из местных [Там же, с. 52].

В том случае, когда спецпереселенец был осужден по уголовно-политической статье, на него заводилось архивно-следственное дело (АСД). Это весьма интересный и своеобразный источник, включающий в среднем около двух десятков документов. К большинству дел приложены материалы личного происхождения: собственноручные показания, фрагменты дневников, письма, художественные произведения. Все эти тексты несут в себе важную информацию об условиях жизни, работы, настроениях и ожиданиях спецпереселенцев, а также о взаимоотношениях с местным населением и другими контингентами и даже о заработной плате и ценах на рынке. Большинство художественных произведений представлено стихотворениями, однако встречаются и прозаические работы (в основном фрагменты).

Анализ этих источников усложняется тем, что они в основном писались на родном языке авторов, а в АСД сохранились не оригиналы, а переводы, причем выполненные переводчиками из НКВД, не заботившимися о художественной ценности. Такие переводы не всегда качественны, а в ряде случаев в деле помещен лишь краткий пересказ произведения. К примеру: «А.Р. рассказывает в стихе свой путь на Восток, о мрачном пути, не обещающем ничего хорошего в эшелоне с забитыми окнами, о людях, провожающих их издали, а эшелон всё спешит на Восток». Это описание в деле – всё, что осталось от стихотворения А. Розманаса «На Восток», написанного 2 мая 1944 г. [23, с. 57].

Собственноручные показания выполнены, как правило, на русском языке и включают детальное описание жизни обвиняемого до депортации

и на поселении: «В 1934 г. в сентябре я поступил в первый класс Паневежеской мужской гимназии»... [22, с. 24].

Для более подробного ознакомления с данным источником остановимся на деле № 19707. Трое молодых ссыльнопоселенцев обвинялись «в организации нелегального литературного кружка и наличии антисоветского журнала и другой антисоветской литературы». Дело велось с 27 июля по 3 октября 1946 г. Основные фигуранты: Александр Александрович Микутавичус 1924 г.р., уроженец г. Паневежис, на момент ареста занимал должность заместителя главного бухгалтера Загайновского химвселесоюза; Альгирдас Владиславович Розманас 1928 г.р. и Альгирдас Петрович Вайсюнас 1928 г.р. Предъявленные всем троим обвинения стандартны: ст. 58/10, ч. 2, 58/11 УК РСФСР – «создание нелегального литературного кружка, наличие экземпляров антисоветского журнала Таска по родине (так! – В.С.) и другой антисоветской литературы» [22, с. 4].

Микутавичусу было известно о смерти отца, умершего в лагере на станции Решеты. «От отца 16 апреля получили открытку, через неделю еще две. Писал он, что живет неплохо, но просил прислать посылку с питанием. Только не пришлось, скоро литовка Розманене получила открытку от своего мужа из лагеря, где он писал, что мой отец умер 9 апреля. Скоро и другие это написали» [Там же, с. 28].

В двух томах дела собраны показания всех обвиняемых и свидетелей – в основном остальных авторов, чьи работы появлялись в номерах рукописного журнала. Второй том целиком состоит из переведенных отрывков этих произведений.

По воспоминаниям участников, кружок был организован в начале апреля 1944 г. Первое собрание состоялось в квартире семьи Вайсюнас, присутствовало около 10 человек, в основном родственники и друзья. Идея создания журнала принадлежала Микутавичусу, он же сформулировал основную цель: «...Литовская молодежь, сосланная на многие годы безвинно в далекую Сибирь, не имеющая никакой возможности в достаточной степени читать книги и газеты, а поэтому, чтобы за время ссылки не одичать, мы должны организовать литературный кружок и издавать журнал, в котором... писать рассказы и стихотворения об условиях жизни литовского населения и молодежи в Сибири» [22, с. 5] и был выбран редактором журнала.

Тематика большинства произведений, найденных в деле, типична для спецпереселенческой, а в данном случае еще и для подростковой литературы.

Кроме непосредственно литературной деятельности, члены кружка вели разговоры, определявшиеся как «антисоветские»: «...Я убежден, что в скором времени Литва будет свободным и независимым государством, и в этом литовскому народу помогут Англия и Америка...» «Литовский народ

никогда не забудет той обиды, какую ему причинила Россия... Эти мучения переносят не только взрослые, но и дети, которые от такой жизни умирают, и о них наш народ будет помнить веками». «...Германию победить трудно потому, что она имеет первоклассную технику... если в этой войне победа будет на стороне Советского Союза, то нам свободы не видать и свободной Литве не бывать, тогда придется скитаться по тюрьмам и ссылкам» [Там же, с. 8].

Подобных примеров можно привести множество в самых разных источниках, по самым разным контингентам. Все эти высказывания – вполне объяснимое следствие обиды, резко ухудшившегося материального и социального положения и повторение слов старшего поколения. Сюда же относятся и разговоры о «некультурности» русских, воспринятые как проявление национализма. В частности, Нина Вайсюнайте, младшая сестра Альгирдаса, в своих показаниях отмечала: «В беседе со мной Микутавичус говорил так: ты, наверное, скоро станешь русской, и это я заключаю из того, что ты танцуешь с русскими и поешь русские песни. Ведь это ни к чему, с русскими не дружи, потому что эти азиаты бескультурные, неграмотные и не имеющие никакой вежливости. Советую дружить только с литовской молодежью» [Там же, с. 9]. Такие заявления встречаются в докладных записках, фиксирующих настроения представителей практически любого из этнических спецконтингентов. Однако тот же Микутавичус написал повесть «Бабушка» (в деле, к сожалению, только переведенные отрывки), где с пониманием и симпатией описывает русских женщин, вместе с которыми работал:

«...Четыре русские женщины и я пятый впряглись в русскую телегу, изнывали от пота, голода и усталости в жаркий июльский день... Возможно, Вы видели картину Репина “Бурлаки на Волге”. Согнувшись, измученные, без малейшего желания жить эти люди – лошади бредут один за другим и тащат баржу груженую хлебом сами голодные, так и мы тянем телегу груженую лесом. Я иду вместо лошади меж оглобель, две бабы задыхаясь и схватившись за них с боков, остальные толкают телегу...

Бабы не только мужчин заменяют, да еще и лошадей. Заругается самым последним словом, это с горя. Ведь я эту молодую, только рано состарившуюся женщину знаю прекрасно, уже несколько месяцев мы вместе работаем. Во время отдыха делимся горем, вместе стоим в очереди в магазине и в столовой, и знаю, что у нее хорошее сердце, чуткое, и если она ругается последними словами, это делает с привычки, а привычка с горя...

В России женщина равноправна не только с мужчиной, но и с лошадью, за которую она возит русские телеги с дровами» [22, с. 7; 23, с. 221, 221 об.].

И, описывая процесс высылки, автор подчеркивает, что отношение зависело не от национальности, а от человека: «...Квартиру опечатаем, а через

неделю всё будет продано, и деньги пришлем вам. Эти деньги мы видели, как свои уши... Если литовец видел что ценного: золото, серебро, – хватал из рук, а русский советовал всё взять с собой, как ценности, так и тёплые вещи.

Красноармеец – молодой парень, видно было, что он выполняет лишь свою обязанность, он шутил со мной, не чувствовалось ненависти, и эта обязанность была ему неприятной. Славный парень, фамилия, помню, Винокуров» [23, с. 219 об., 220].

В целом складывается впечатление, что большинство, если не все «националистические и антисоветские» высказывания, не являлись для этих молодых людей следствием глубокого собственного убеждения и были порождены отчасти взрослыми, отчасти обидой, а отчасти не вполне серьезным («игровым») восприятием происходящего, характерным даже для самых старших из фигурантов: «...Вот будет новость друзьям, когда узнают, что арестовали моего отца, я, хотя и стыдно признаться, тогда этим несколько гордился, значит отец враг этой власти» [23, с. 219]. Или в день высылки: «...Если бы я сейчас встретил на улице кого из знакомых, я бы не стеснялся, а гордился...» [Там же]. Напомню, Александру Микутавичусу, самому старшему из участников литературного кружка, на момент депортации было неполных 17 лет. Судя по сохранившимся в деле воспоминаниям, некий «игровой» момент присутствовал изначально и довольно долго: «В 1940 г. в октябре я пришел после летних каникул в гимназию. За это время произошли существенные перемены: была учреждена новая молодежная организация – комсомол. Я понимал, что организация атейтинкай запрещена, но однажды в гимназии ко мне подошел председатель организации Яснаускас и тихо сказал, чтобы завтра вечером я пришел на собрание... Я понял, что они хотят нелегально работать...» [22, с. 24]. Происходящее воспринималось подростками как возможно опасная, но игра.

Что касается младших членов кружка, в первую очередь девушек, то у них тем более не сложилось еще сколько-нибудь устоявшихся политических взглядов. Это косвенно подтверждается (кроме их собственных показаний) как тематикой и содержанием их стихотворений, так и тем, что в качестве эпиграфа к одному из них («Тебе» Дануте Розманайте) использована строчка, принадлежащая Саломее Нерис [23, с. 26, 27].

В любом случае в 1946 г. рукописный журнал уже не выпускался, всего вышло 7 номеров. Основным вдохновителем и редактором журнала Микутавичус, увлекшийся профессиональной деятельностью, по его собственным словам, не мог, да, вероятно, и не хотел посвящать своему прежнему увлечению достаточно времени и сил. Материальное положение ссыльнопоселенцев несколько улучшилось, все возможные темы были неоднократно обсуждены, участники кружка адаптировались к новым условиям жизни, и их литературная деятельность прекратилась. Уголовное дело было откры-

то после доноса, сделанного неким М. Жулисом, о деятельности уже фактически не существовавшего журнала [22, с. 199].

В 1989 г. на имя прокурора РСФСР поступило заявление о пересмотре дела от А. Розманаса из Каунаса. Среди прочего Розманас заявил: «...Разве не парадоксально: мое преступление состоит в том, что я вел антисоветскую агитацию среди своих друзей – таких же ссыльных литовских юношей, как и я... Обратите внимание: я не агитировал среди местного населения, т. е. не ссыльных... Я не осуждаю строго моих друзей, давших показания про мою антисоветскую агитацию, так как понимаю, как их запугали во время следствия» [Там же, с. 207 об.].

13 декабря 1989 г. Президиум Верховного суда отменил приговор всем трем и прекратил дело за отсутствием состава преступления [Там же, с. 209, 210].

Вернемся к основным документам, регламентировавшим высылку и положение ссыльнопоселенцев. Рассмотрев их, можно сделать вывод о том, что депортации из Прибалтики и Молдавской ССР не планировались заранее. Решение об их проведении возникло в некоторой степени спонтанно, после докладной записки наркома госбезопасности Литовской ССР Гладкова (напомним, что постановление о высылке из республик Прибалтики и Молдавии до сих пор не найдено и, весьма вероятно, не существовало вовсе). О такой возможности упоминает А.Э. Гурьянов, считающий, однако, маловероятным, чтобы «операция по высылке из Прибалтики и Молдавии, довольно существенно отличающаяся от предшествующих депортаций, могла быть проведена без соответствующего решения высших органов власти СССР, лишь на основании Постановления для западных областей УССР» [15, с. 144]. Поэтому регулирование положения данной категории ссыльных не было достаточно отработано. В связи с этим органы на местах в Сибири не всегда понимали, что именно им следует делать, и часто попросту снимали с себя всякую ответственность по вопросам, связанным с положением ссыльнопоселенцев на спецпоселении.

Из докладных записок начальников областных УНКВД (М.Ф. Ковшук-Бекман, Семёнов и др.), датированных сентябрем 1941 г., следует, что прибывшие тотчас же были трудоустроены в колхозах, кустарно-промысловых артелях, на предприятиях лесной и цветной промышленности, т. е. в основном в леспромпхозах и рудниках. При этом, однако, оставался без внимания тот факт, что большинство ссыльнопоселенцев просто не имело физической возможности трудиться на той работе, которая им была определена. Почти все из них, «в т.ч. бывшее городское население и частично интеллигенция» [6, с. 263], были вынуждены заниматься непривычным тяжелым физическим трудом.

Первое время, судя по докладным запискам, серьезных проблем с трудоустройством ссыльнопоселенцев не возникало. Однако позднее, в 1943 г.,

выяснилось, что «многие из специалистов работать не могут в силу незнания языка» [9, с. 284]. Кроме того, поскольку ссыльнопоселенцы не являлись «правовым населением», их не принимали на «ответственную работу». Труд большинства ссыльнопоселенцев использовался в сельском хозяйстве и лесной промышленности. Как и представители других вышеописанных категорий, подвергшихся принудительной миграции, не все трудоспособные ссыльнопоселенцы могли выполнить норму на 100 %. Хотя в отдельных случаях, более характерных для трудоустроенных в колхозах, они выполняли ее на 130 и даже на 200 %, гораздо большее количество ссыльнопоселенцев вырабатывало лишь 15...20 % от установленных норм. Причинами невыработки норм, как и для польских граждан, оставались неприспособленность к тяжелым работам, отсутствие необходимых инструментов и рабочей одежды [Там же, с. 227].

Со временем среди ссыльнопоселенцев стали появляться стахановцы. На Парабельском шпалозаводе за вторую половину 1943 г. среди представителей этой категории спецпереселенцев появилось 14 стахановцев. В основном же ссыльнопоселенцы, работавшие в сельском хозяйстве, выполняли нормы на 60...70 %, вырабатывая от 70 до 250 трудодней. Особенно высокая производительность труда наблюдалась у украинцев, молдаван и латышей. В других сферах деятельности ссыльнопоселенцы вырабатывали 70...90 % от установленной нормы. Если ранее выполнявшие норму составляли 30 % от общего числа, то теперь это число составляли те, кто выполнял производственные задания всего на 40...50 %, т. е. «не желающие работать». Причины этого оставались прежними: отсутствие необходимых одежды и обуви, физическая слабость и «нежелание работать вообще той части ссыльных, которые ранее не занимались трудовой деятельностью, а жили за счет эксплуатации чужого труда» [11, с. 248 об.].

В докладных записках с мест отмечалось, что нередко на производительности труда отрицательно сказывалось «бездушное отношение к устройству контингента». Примером может служить заявление председателя Васюганского райисполкома Киселёва: «...у меня много русских, которых необходимо всем обеспечивать, а об этих проявлять заботу я не собираюсь». Одна из основных проблем «трудоиспользования» состояла в невозможности рационального трудоустройства специалистов. Во-первых, по специальности практически невозможно было использовать педагогов, научных работников, музыкантов и т. п. Во-вторых, руководители предприятий очень часто отказывались принимать на работу ссыльнопоселенцев «из-за боязни... т.к. они всё-таки являются ссыльными и не русской национальности» [11, с. 249 об.]. В 1944 г. число наркоматов, в которых на различных работах были заняты ссыльнопоселенцы, значительно расширилось.

В 1942 г. из Алтайского края на рыбодобычу в Якутскую АССР была переселена большая часть ссылнопоселенцев-литовцев. Полных сведений о том, как использовался их труд с 1942 по 1944 г., получить из имеющихся документов оказалось невозможно в силу того, что спецпереселенцы в это время просто не учитывались по месту нового вселения. Согласно воспоминаниям ссыльных, которые выжили после двух лет на рыбо-ловецких промыслах, совершенно не приспособленных для жизни, люди либо ловили рыбу, либо солили и обрабатывали ее, либо вязали сети. Некоторые работали в созданных школах, больницах, хлебопекарнях [20]. В 1944 г. ссылнопоселенцы в Якутской АССР в подавляющем большинстве работали в рыбной промышленности, немногим менее 200 чел. (из 2300 расселенных) – на предприятиях лесной промышленности и единицы – в учреждениях наркоматов просвещения, здравоохранения, земледелия (НКпрос, НКздрав, НКзем).

Согласно докладной записке «О результатах переучета и хозяйственном устройстве...», в Алтайском крае «на 1 января 1943 г. из 7040 ссылнопоселенцев литовцев значилось всего 1731 трудоспособных, т. е. 24,5 % от их общего числа. Из них работало 1308 чел., или 75,5 % от количества трудоспособных и 18,5 % от общего числа. Остальные не работали по причинам “наличия детей, отсутствия обуви и одежды и часть не желают работать”» [9, с. 261 об.]. Те же, кто работал, в большинстве своем были заняты в лесной промышленности и в совхозах. По мнению местной администрации, «из всего контингента к своим обязанностям добросовестно относятся лишь единицы, которые не только выполняют нормы выработки, но и перевыполняют их». Среди всех работающих таковых было выделено 6 чел.: Е. Жендулене (120 % нормы), Б. Василяндускас (135 %), И. Купчунас (150 %), Гриблевская (160 %), П. Борткевич (200 %), Савицкас (250 %). При этом подавляющее большинство выполняло нормы всего лишь на 25...50 %. Отмечалось, что «социалистическим соревнованием охвачены лишь единицы ссылнопоселенцев. Все остальные не соревнуются» [9, с. 262]. В марте того же года начальнику УНКВД по Алтайскому краю Волощенко из ОТСП НКВД СССР было направлено указание, в котором отмечалось, что «...при более внимательном отношении к вопросам трудового использования ссылнопоселенцев рабочая сила этой категории была бы расставлена по объектам более целесообразно, люди за год освоились бы с ней, получили бы специальность и квалификацию, а злостно уклоняющиеся от занятия общественно полезным трудом были бы привлечены к ответственности» [Там же, с. 263]. То есть, по мнению начальника ГУЛАГ В.Г. Наседкина, ссылнопоселенцы на Алтае не работали не потому, что они не имели возможности, а потому, что их неправильно организовали, недостаточно убедили или заставили.

Некоторые ссыльнопоселенцы отказывались вступать в колхозы, так как опасались ответственности в случае невыполнения норм и трудодней, справедливо полагая, что наказание для них будет значительно более строгим, чем для представителей «правового» населения, однако работали в них как «приглашенные». Из работающих же ссыльнопоселенцев, по приведенным данным, только 30 % могли обеспечить свой прожиточный минимум [9, с. 234]. Указывались также случаи высокой производительности труда ссыльнопоселенцев. Так, заведующим табачной плантацией в сельхозартели «Труженик» Бакчарского района Новосибирской области работал ссыльнопоселенец («бывший помещик») И. Меч, благодаря которому плантация заняла первое место в районе. В том же районе в колхозе «Андарина» работал с семьей из восьми человек И. Левин («в прошлом фабрикант»), на трудодни они «обеспечили питанием себя и приобрели корову» [Там же, с. 234 об.].

Ссыльнопоселенцы могли не иметь работы и потому, что в некоторых районах были установлены ограничения по принятию их на работу. Так, в Шегарском районе райисполком запретил принимать ссыльнопоселенцев членами артелей «как социально чуждых лиц»; более того, райком того же района обязал принимать ссыльных только чернорабочими [Там же, с. 234 об.].

В Алтайском крае среди учетных специалистов-ссыльнопоселенцев было 134 учителя, 74 счетных работника, 17 медработников, 10 агрономов и садоводов, шесть машинисток, по пять инженеров, юристов и врачей, четыре телеграфиста, всего 290 чел. [Там же, с. 257].

Расселялись ссыльнопоселенцы либо в домах местных жителей, либо в помещениях, не приспособленных для жилья: клубах, школах, и т. п. При этом за жилую площадь, занимаемую депортированными в домах «правового» населения, им приходилось платить деньгами и вещами либо своим трудом в хозяйстве «сдающих квартиру». Если средства заканчивались, ссыльный мог в самом прямом смысле оказаться на улице. Д. Шмудере-Геркис вспоминает о смерти ссыльнопоселенки Зинаиды Генгерис: «Последнее время она была бездомной. За квартиру платить ей было нечем. И она ночевала где придется, кто пожалеет и пустит ее. В ту ночь она ночевала под порогом у ссыльных из Черновиц. Как она на корточках сидела, так ее холодную уже утром и нашли» [21, с. 161].

С течением времени жилищные условия изменились незначительно. Ссыльнопоселенцы были переведены из школ, клубов, контор в более пригодные для жизни, по мнению органов НКВД, бараки, которые ничем не отличались от уже описанных. Некоторые были совсем без дверей либо с некоторым их подобием, с одинарными («летними») рамами (в условиях сибирской зимы!). Ссыльнопоселенцы, переселенные на Север на рыбные промыслы, были вынуждены жить в юртах-землянках, вырытых в вечной мерзлоте, обшитых досками и мхом, с одним небольшим окошком, с куском

льда вместо стекла. Отапливались они с помощью печек, сделанных из металлических бочек, а чтобы добыть топливо, приходилось воровать доски.

Социально-бытовые условия, в которых находились этнические группы спецпереселенцев на территории Западной Сибири, зависели от места поселения, климата, предлагаемых работ и пр., хотя и оставались относительно схожими для всех «контингентов» вне зависимости от национальной принадлежности прибывших. В условиях военного времени представители местной администрации рассматривали прибывающих спецпереселенцев исключительно как необходимую для выполнения производственных планов и норм рабочую силу, достаточно дешевую и легко заменяемую.

Безусловно, нельзя забывать о том, что и «правовое», в особенности эвакуированное, население тоже оказалось в тяжелых условиях. Так, материалы одной из комиссий, обследовавших общежития, куда вселили эвакуированных из Ленинградской области учеников ФЗУ, демонстрируют те же самые условия: бараки со сплошными нарами, лишённые освещения, грязные, в которых больные туберкулезом живут вместе со здоровыми. То же касалось их продуктового и промтоварного снабжения [2, с. 66–70]. Объективно сходные условия, однако, вполне могли восприниматься по-разному местным, эвакуированным и депортированным населением. Многие спецпереселенцы возлагали вину не только за выселение, но и за тяготы своего существования на руководство, а в ряде случаев и на всех граждан СССР. Такие настроения неоднократно фиксировались, в том числе многостраничными документами, появлявшимися в результате всестороннего «обследования» спецпоселков. Они в равной степени характерны для представителей всех этнических контингентов. Также очевидно, что проблемы, порожденные событиями тех лет, остались неразрешенными и стали одним из поводов для «дерусификации» стран Балтии после их отделения и получения ими независимости.

Литература

1. Бугай Н.Ф. А. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». О депортации народов в СССР в 30–40-е гг. – М.: АИРО-XX, 1995. – 319 с.
2. ГАНУ (Государственный архив Новосибирской области). – Ф. П-4. – Оп. 34. – Д. 159.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 57.
4. ГАРФ. – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 61.
5. ГАРФ. – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 67.
6. ГАРФ. – Ф. Р-9479. – Оп. 1. – Д. 81.
7. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 87.
8. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 106.
9. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 131.

10. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 132.
11. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 133.
12. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 155.
13. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 164.
14. ГАРФ. Ф.Р-9479. – Оп. 1. – Д. 213.
15. *Гурьянов А.Э.* Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае–июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997. – Вып. 1. – С. 137–175.
16. Депортации народов СССР (1930-е–1950-е гг.). В 2 ч. Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР / сост. О.Л. Милова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: б. и., 1992. – 353 с.
17. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т.: т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 823 с.
18. *Пишутин Е.* Нарым. Дневник ссыльной. – Нью-Йорк: Новый журнал, 1965. – 111 с.
19. *Лаар М.* Черные дыры истории // Радуга. – 1991. – № 6.
20. Литовцы у Ледовитого океана: сборник воспоминаний о депортации литовцев в июне 1941 г. / сост. и авт. предисл. Р. Мерките и др. – Якутск: Бичик, 1995. – 192 с.
21. Нарымская хроника, 1930–1945: трагедия спецпереселенцев: документы и воспоминания / сост. и коммент. В.Н. Макшеева. – М.: Русский путь, 1997. – 254 с. – (Исследования новейшей русской истории / под общ. ред. А.И. Солженицына; вып. 3).
22. ОСД УАДААК (Отдел специальной документации Управления архивного дела администрации Алтайского края). – Ф. Р. 2. – Д. 19707. – Т. 1.
23. ОСД УАДААК. – Ф. Р. 2. – Д. 19707. – Т. 2.
24. *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 326 с.
25. РГВА (Российский государственный военный архив). – Ф. 18444. – Оп. 2 с. – Д. 264.
26. *Риекстыньш Я.* Начало сталинских репрессий // Даугава. – 1992. – № 1 (171). – С. 138–150.

Статья поступила в редакцию 24.04.2019.

Статья прошла рецензирование 18.06.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-390-411

EXILED SETTLERS FROM THE BALTIC STATES IN WESTERN SIBERIA IN 1941–1945

Sarnova Victoria,

Cand. of Sc. (History),

Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2275-6768

Kaf-fil-lab@nsuem.ru

Abstract

The paper is devoted to the deportation and stay in Western Siberia of deportees from the Baltic republics. That deportation (summer, 1941) made the deportees the second (after the Polish) large ethnic special contingent during the Second World War period. The deportation operation was positioned by the Soviet leadership as a “cleansing” of the newly annexed territories from the anti-Soviet, criminal and socially dangerous elements, i.e. it was conducted on a social rather than ethnic basis. Perhaps this “dual” approach predetermined the peculiarity of the operation and its difference from the previous one. In particular, in view of the “increased social danger” of the contingent, the most rigid exile settlement regime was introduced until 1952. The paper analyzes the main documents regulating the process of forced relocation, status, regime, supply, and employment of exiled settlers and other aspects of their stay in Siberia. The author comes to the conclusion that deportations from the Baltic and Moldavian republics were not planned in advance. The decision to conduct them arose to some extent spontaneously, after a memorandum from the People’s Commissar of State Security of the Lithuanian SSR, P.A. Gladkov (we would remind you that the Resolution on Deportation from the republics of the Baltic States and Moldova has not been found yet and, very likely, did not exist at all). Therefore, the regulation of the status of this category of deportees was not sufficiently worked out. In this regard, local authorities in Siberia did not always understand what they had to do, and often they simply disclaimed all responsibility for the matters related to the situation with deportees in special settlements.

A special part of the paper is the analysis of a very original source – discontinued archival and investigatory cases (AIC), which were instigated on special settlers as the result of their criminal prosecution. The paper gives a profound analysis of the case No. 19707 as an example, which describes a special case from the lives of exiled settlers (deported to the Altai Territory) who organized an “illegal” literary circle and published a handwritten journal “Home Sickness”.

Keywords: deportation, settlement of deportees, archival and investigatory case, commandant’s office, special advisor, “socially alien and anti-Soviet element”, Regulations, Ordinance, directive, memorandum.

Bibliographic description for citation:

Sarnova V. Exiled settlers from the Baltic states in Western Siberia in 1941–1945. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 2, pp. 390–411. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-390-411.

References

1. Bugai N.F. *L. Beriya – I. Stalinu: “Soglasno Vashemu ukazaniyu...”* [From L. Beria to I. Stalin: “According to your instructions ...”]. Moscow, AIRO-XX Publ., 1995. 319 p.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)]. F. P-4. Inv. 34. Doc. 159.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archives of the Russian Federation (GARF)]. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 57.
4. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 61.
5. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 67.
6. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 81.
7. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 87.
8. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 106.
9. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 131.
10. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 132.
11. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 133.
12. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 155.
13. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 164.
14. GARF. F. R-9479. Inv. 1. Doc. 213.
15. Gur’yanov A.E. Masshtaby deportatsii naseleniya vglub’ SSSR v mae–iyune 1941 g. [The scale of the deportation of the population deep into the USSR in May – June 1941]. *Repressii protiv polyakov i pol’skikh grazhdan* [Repressions against Poles and Polish citizens]. – Moscow, Zven’ya Publ., 1997, iss. 1, pp. 137–175.
16. Milova O.L., comp. *Deportatsii narodov SSSR (1930-e–1950-e gg.)*. V 2 ch. Ch. 1. *Dokumental’nye istochniki Tsentral’nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Oktyabr’skoi Revolyutsii, vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti i organov gosudarstvennogo upravleniya (TsGAOR) SSSR* [Deportation of the peoples of the USSR (1930s–1950s.). In 2 pt. Pt. 1. Documentary founts of the Central State Archive of the October Revolution, the highest bodies of state authority and bodies of state administration of the USSR (TsGAOR USSR)]. Moscow, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 1992. 353 p.
17. Tsarevskaya-Diakina T.V., ed. and comp. *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920–pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov*. v 7 t.: t. 5. *Spetspereselentsy v SSSR* [The history of Stalin’s Gulag. Late 1920s–Early 1950s: collected documents: in 7 vol.: vol. 5. Special deportees in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 824 p.
18. Ishutina E. *Narym. Dnevnik syl’noi* [Narym. Diary of the exile]. New York, Novyi zhurnal Publ., 1965. 111 p. (In Russian).
19. Laar M. *Chernye dyry istorii* [Black holes of history]. Raduga, 1991, no. 6.

20. Merkitė R., comp. and author of the pref. *Litovtsy u Ledovitogo okeana: sbornik vospominanii o deportatsii litovtsev v iyune 1941 g.* [Lithuanians at the Arctic Ocean: a collection of memories of the deportation of Lithuanians in June 1941]. Yakutsk, Bichik Publ., 1995. 192 p.

21. Maksheev V.N., comp. and comment. *Narymskaya khronika, 1930–1945: tragediya spetspereselentsev: dokumenty i vospominaniya* [The Narym Chronicle, 1930–1945. The tragedy of special settlers: documents and memories]. *Issledovaniya noveishei russkoi istorii*. Vyp. 3 [Studies of modern Russian history. Iss. 3]. Ed. by A.I. Solzhenitsyn. Moscow, Russkii put' Publ., 1997. 254 p.

22. Otdel spetsial'noi dokumentatsii Upravleniya arkhivnogo dela administratsii Altaiskogo kraia (OSD UADAАK) [Special documentation department of the Archives Administration of the Administration of the Altai Territory (OSD UADAАK)]. F. R. 2. Doc. 19707. Vol. 1.

23. Otdel spetsial'noi dokumentatsii Upravleniya arkhivnogo dela administratsii Altaiskogo kraia (OSD UADAАK) [Special documentation department of the Archives Administration of the Administration of the Altai Territory (OSD UADAАK)]. F. R. 2. Doc. 19707. Vol. 2.

24. Polian P.M. *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Against their will: History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow, OGI-Memorial Publ., 2001. 326 p.

25. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archives (RGVA)]. F. 18444. Inv. 2 p. Doc. 264.

26. Riekstyn'sh Ya. Nachalo stalinskikh repressii [The beginning of the Stalinist repressions]. *Daugava*, 1992, no. 1 (171), pp. 138–150.

The article was received on 24.04.2019.

The article was reviewed on 18.06.2019.